

Французскій позитивизмъ *).

(Полупозитивисты: Фуллье, Гюйо и Тардъ).

I.

Фуллье (Alfred Fouillée), какъ самый выдающійся представитель полу-
позитивизма.

Я позволю себѣ начать мою краткую характеристику Фуллье парадоксальнымъ, на манеръ Вольтера, предложениемъ. Еслибы въ настоящее время такого философа, какъ Фуллье, не существовало въ дѣйствительности, то его нужно было бы художественно изобразить для того, чтобы людямъ, любящимъ философию и интересующимся ея дальнѣйшимъ развитиемъ, было вполнѣ ясно, что на той почвѣ, на которой она двигалась въ своемъ развитіи въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ, дальнѣйшихъ успѣховъ она сдѣлать уже не можетъ. Современная философія должна выступить на новую тропу въ весьма важномъ и существенномъ отношеніи, а именно: *прежде всего* ей нужно освободиться отъ все болѣе и болѣе укореняющагося *предразсудка*, что философія есть что-то другое, а не наука **). Пусть фило-

*) См. Вопросы филос. и психол., 1892—93, кн. 15, 16 и 19. Позитивисты: Огюстъ Контъ и Тэнъ.

**) Нельзя сказать, чтобы эта тропа была абсолютно новая, потому что философія иногда и довольно долгое время шла по ней, какъ, напр., въ лицѣ Платона, Аристотеля и некоторыхъ изъ ихъ преемниковъ, иногда же становилась на нее на короткое время въ дѣятельности того или другого философа (напр., Гегеля), но все это было недостаточно обосновано въ принципѣ, а потому и не прочно.

софъ не поддается льстивымъ голосамъ, утверждающимъ, что философія есть даже *нѣчто высшее*, чѣмъ наука, что она замѣняетъ религію, что она высшая форма поэзіи, единственная основа для морали и т. п. Пусть, не увлекаясь этими голосами, онъ твердо и безъ колебаній стоитъ на одномъ, что она есть наука, хотя бы, по трудности своего предмета, и менѣе совершенная, чѣмъ другія, но все-таки она наука и, притомъ, по важности этого предмета, высшая изъ всѣхъ другихъ отраслей *единаго знанія*. Отсюда уже само собою разумѣется, что она должна двигаться самостоительно къ своей научной цѣли, а не идти, ради якобы вящей научности, на буксирѣ другихъ наукъ или подражать имъ въ приемахъ и способахъ пріобрѣтенія и построенія своего содержанія *). Какъ въ эпоху, наприм., „Возрожденія наукъ“ философія поняла, что ей не должно быть „служанкой теологии“ **), какъ, далѣе, въ 18-мъ вѣкѣ она поняла, что ей невозможно подражать математикѣ,—такъ и теперь ей уже давно бы нужно перестать видѣть въ естествовѣдѣніи образецъ научного знанія вообще и увлекаться *титуломъ „положительной науки“*, приличествующимъ только для условныхъ наукъ, каковы—математика, физика, химія и т. под. ***).

Теперь спрашивается, почему на Фуллье болѣе, чѣмъ на комъ-либо другомъ, можетъ обнаруживаться необходимость для современной философіи въ радикальной перемѣнѣ своего пути и направлениія? Отвѣчаю: именно потому, что это вообще наиболѣе выдающійся между современными философами, по соединенію въ немъ многихъ условій для того,

*) Однимъ изъ важныхъ шаговъ для этой радикальной перемѣны направлениія было бы ясное сознаніе у философовъ, что дѣленіе нашей познающей дѣятельности на различныя специальности обусловлено не сущностью знанія, а только виѣшними обстоятельствами, напр., ограниченностью силъ у отдѣльныхъ людей, несовершенствомъ общественныхъ формъ жизни и т. под.

**) Къ сожалѣнію, въ то же самое время она начала искать новаго господина и образца для подражанія.

***) Мнеъ случалось встрѣчать въ руководствахъ къ шахматной игрѣ громкое и притязательное название: «наука о шахматной игрѣ», и я признаюсь, что этой «наукѣ», по ся полной условности, приличествуетъ титулъ *положительной*, пожалуй, еще въ *высшей* степени, чѣмъ физикѣ, химії и астрономії.

чтобы сказать новое слово въ области философской дѣятельности. По своей талантливости онъ если не выше, то во всякомъ случаѣ не ниже Тэна или кого-либо другого изъ современниковъ; то же можетъ быть сказано и относительно его общей и специально-философской эрудиціи. По тщательной же подготовкѣ къ производительной работѣ въ философіи онъ превосходитъ своихъ современныхъ соотечественниковъ. Точно также едва ли кто превосходитъ его и въ энергіи, съ которой онъ началъ и продолжаетъ свою философскую миссію, возникшую изъ убѣжденія въ неудовлетворительности господствующихъ въ настоящее время системы материализма, спиритуализма и даже позитивизма,—убѣжденія, основанного на проницательной критикѣ, которой онъ неутомимо подвергалъ ихъ. Изъ этого убѣжденія, конечно, возникло горячее желаніе замѣнить неудовлетворительное собственной работой, а чтобы избѣжать при ней какихъ бы то ни было односторонностей, Фуллье избралъ особое *предохранительное средство*, состоящее въ „*методъ соглашенія*“ прежнихъ философскихъ доктринъ. Но, несмотря на его талантъ, эрудицію, тщательную подготовку къ труду и энергію въ его выполненіи, все-таки предпріятіе Фуллье я не могу счесть удавшимся, главнымъ образомъ, потому, что и онъ не отрѣшился вполнѣ отъ старой почвы. Отсюда его преобразованіе философіи неизбѣжно оказывается палліативомъ: главная задача, стоявшая передъ нимъ, заключалась не въ соглашеніи старыхъ доктринъ, а въ открытии новыхъ принциповъ, или точекъ зрењія, съ которыхъ бы можно было, съ одной стороны, яснѣе понять прежнее, а съ другой—вѣрнѣе предвидѣть дальнѣйшее движение философіи.

Все сейчасъ сказанное я надѣюсь пояснить, во-первыхъ, указаниемъ на важнѣйшія сочиненія Фуллье, которыя представляютъ какъ бы *этапы* въ выработкѣ его философской системы, и во-вторыхъ, краткимъ анализомъ основного понятія этой системы, а именно „*идей-силъ*“ *).

*) Разумѣется, по недостатку времени и мѣста, я не могу войти въ какія-

**Важнѣйшія подготовительныя къ системѣ „идей-силъ“ сочиненія
Фуллье *).**

Немного моложе Тэна по возрасту, Фуллье и въ качествѣ философскаго дѣятеля выступилъ нѣсколько позже его, а именно въ концѣ 60-хъ годовъ. Сразу обратилъ онъ на себя вниманіе ученаго міра двумя почтенными, по самостоятельности, эрудиціи и талантливости изложенія, историческими сочиненіями: „Философія Платона“ **) и „Философія Сократа“,увѣнчанными преміями „Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ“. Этими самостоятельными изслѣдованіями въ области древней философіи, составляющей и до сихъ поръ источникъ живой силы для производительной философской дѣятельности, Фуллье какъ бы закалилъ себя для будущаго труда. Несомнѣнно, что и мысль объ *идеяхъ*, какъ творческихъ силахъ, осуществляющихся въ дѣйствительномъ мірѣ, была впервые подсказана ему платонизмомъ. Уже въ этомъ первомъ сочиненіи обнаруживаются признаки и его методического принципа *соглашенія доктрины*. Такъ, въ спорѣ у толкователей Платона вопросъ „о трансцендентности и имманентности идей міру вещей“, онъ соединяетъ обѣ точки зреянія. По его изслѣдованіямъ выходитъ, что идеи и трансцендентны, и имманентны, или, иначе, что міръ идей (или Богъ) хотя самъ по себѣ и не подлежитъ происхожденію, движению или быванію, но что, тѣмъ не менѣе, онъ, несмотря на свое единство и неизмѣнность, все-таки необхо-

либо подробности и долженъ ограничиться, пожалуй, еще болѣе краткими намеками, чѣмъ это сдѣлано относительно Тэна.

*) Сочиненія Фуллье многочисленны и состоять, кромѣ цѣлыхъ книгъ, изъ множества статей, напечатанныхъ въ журналахъ („Revue Philosophique“, „Revue des Deux Mondes“). Конечно, я здѣсь упомяну только о важнѣйшихъ для пониманія генезиса и развитія системы Фуллье.

**) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ это сочиненіе появилось во 2-мъ изданіи, где Фуллье подкрепляетъ свои взгляды, высказанные въ 1-мъ изданіи, новыми доказательствами и объясненіями и обогащаетъ его новыми изслѣдованіями (какъ, наприм., объ отношеніи платонизма къ христіанству и о платонизмѣ въ философіи нового времени).

димо связанъ съ міромъ мнозицъ вещей и участвуетъ въ его движениі *).

Второй этапъ въ выработкѣ міровоззрѣнія Фуллье является результатомъ изученія другого великаго философа, Канта, безъ надлежащаго знакомства съ которымъ невозможно пониманіе философіи новѣйшаго времени. Послѣдствіемъ этого изученія было самостоятельное рѣшеніе основного вопроса, поставленнаго Кантомъ, о возможности свободы, а съ нею и морали,—рѣшеніе, ставшее исходнымъ пунктомъ и для собственной системы Фуллье. Ставъ лицомъ къ лицу съ вѣковою борьбою въ философіи двухъ непримиримыхъ воззрѣній — индетерминизма и детерминизма, или защитниковъ и противниковъ свободы воли **), Фуллье въ своей книгѣ (2-е изд.) старается „по методѣ соглашенія“ примирить борющіяся воззрѣнія: детерминизмъ и индетерминизмъ должны совпасть, потому что (по теоріи „идей-силъ“) идея свободы, постоянно реализуясь на практикѣ, будетъ все болѣе и болѣе освобождать человѣческое существо отъ природной зависимости, такъ что, въ концѣ концовъ, оно сдѣлается настолько свободнымъ, какъ будто бы оно было таковыемъ и первоначально, по своей природѣ. Однако, и самъ Фуллье сознается, что еще невозможно вполнѣ доказать этого совпаденія теорій детерминизма и свободы, потому что, можетъ быть, число

*) Одаренный богатымъ воображеніемъ и чрезвычайно находчивый въ сравненіяхъ и объясненіяхъ, Фуллье *весыма картино* сравниваетъ участіе неподвижныхъ, по своей природѣ, идей въ теченіи міра вещей—съ центромъ колеса, неподвижнымъ въ то время, какъ его радиусы находятся въ постоянномъ движениі.

**) Сочиненіе, въ которомъ Фуллье касается этого вопроса, носитъ заглавие: „La liberté et le déterminisme“, и появилось въ двухъ изданіяхъ. Первое вышло въ началѣ 70-хъ годовъ,—второе въ 80-хъ. Въ силу плодовитости Фуллье и неутомимости, съ какою онъ развиваетъ всякую мысль до ея послѣднихъ предѣловъ, а также вслѣдствіе нѣкотораго колебанія въ пониманіи и формулировкѣ изслѣдуемыхъ имъ основныхъ началь, первое изданіе не мало страдаетъ отъ недостатка въ ясности. Такъ, наприм., Фуллье то называетъ волю абсолютомъ, то считаетъ разумъ за начало ее опредѣляющее, то, наконецъ, подчиняетъ и волю, и разумъ, и чувство какому-то „нѣчто“, которое не исчерпывается ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ.

фактовъ, долженствующихъ быть соглашеными, безконечно, хотя для практики совершенно достаточно того течения мысли, которое выходитъ изъ гипотезы соединимости обѣихъ теорій, а вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно и для устраненія безконечнаго историческаго спора*).

Третій шагъ въ философскомъ движениі Фуллье представляеть его сочиненіе „*L'idée moderne du droit en Allemagne, en Angleterre et en France*“, служащее какъ бы заключеніемъ предыдущаго. Въ немъ онъ дѣлаетъ анализъ идеи права вообще и краснорѣчиво, хотя не безъ примѣси реторики, характеризуетъ ея пониманіе у трехъ главныхъ народностей Европы. Народность германская, думаетъ онъ, имѣть склонность къ замѣнѣ идеи права *идею силы* (грубаго факта), англійская—*идею пользы*, и только французская вѣрна *идею права*, потому что служила въ своей исторіи идеямъ независимости и свободы.

Хотя Фуллье и отклонялъ сдѣланный ему упрекъ въ гельянствѣ, гдѣ народность должна вообще проявить въ исторіи свою идею, но все-таки въ этомъ упрекѣ, по-моему, есть своя доля правды, потому что народности, какъ собирательныя существа, заключають въ себѣ индивидуумовъ разнообразнаго происхожденія и съ самыми разнообразными свойствами, тенденціями и задатками. Если же какія-либо тенденціи въ тотъ или другой исторической періодѣ и возбладали у многихъ индивидуумовъ одного народа, такъ что какъ будто сдѣлялись признакомъ характера цѣлаго народа, то это все-таки—не болѣе, какъ продуктъ историческихъ условій, побуждающихъ многихъ индивидуумовъ идти по одному и тому же пути (жители острововъ, наприм., во всей исторіи и у разныхъ племенъ, всегда и въ разныхъ формахъ имѣли тенденцію быть болѣе или менѣе морскими

*.) Второе изданіе сочиненія вообще интересно по многимъ пунктамъ, которые оно въ себѣ заключаетъ, каковы, наприм., критический обзоръ теорій лейтерминизма и индетерминизма (въ ученіяхъ Платона, Плотина, Лейбница, Канта, Шеллинга и проч.), или попытка Фуллье къ примиренію платонизма и кантизма съ христіанствомъ.

грабителями); съ перемѣною этихъ условій видоизмѣняется или даже исчезаетъ совсѣмъ *лишнєе* свойство цѣлаго народа (народъ, вѣдь, не субстанція). Значить, мысль Фуллье въ данномъ случаѣ довольно поверхностна; и если можно согла-ситься съ его характеристикой европейскихъ народностей, то только при очень поверхностной оценкѣ ихъ.

Точно такъ же, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, Фуллье, по-лагающій, что идеи силы и пользы соединимы съ правомъ, соглашаетъ, по своей методѣ, „натурализмъ“ (сила и интересъ) съ „идеализмомъ“ (право и свобода), при условіи, чтобы и тотъ, и другой признали высшимъ руководящимъ начальствомъ „разумную свободу“ *). Подъ вліяніемъ этой идеи, въ силу самого детерминизма, эволюція сама собою постепенно реализуетъ окончательное совпаденіе силы, пользы и свободы (независимости); или, какъ выражаетъ ту же мысль Фуллье, съ точки зрењія его теоріи „идей-силь“, идеи, между которыми находятся свобода и необходимо со-ответствующія ей моральные идеи (нижня: воздѣржанія и умѣренности—*sustine et abstine* у древнихъ, и высшая: спра-ведливости и братства—въ новое время), составляющія иде-аль, реализуются сами собою, по мѣрѣ того, какъ онѣ признаны, поняты и стали предметомъ почитанія.

Особенно важный шагъ въ философскомъ движениі Фуллье представляетъ его сочиненіе: „Critique des systèmes de morale contemporains“, вышедшее въ 1883 году. Богатство знаній, остроумія и діалектической силы, обнаруживаемое въ немъ авторомъ, изумительно. Всѣ системы изслѣдованы въ порядкѣ ихъ *убывающей позитивности и возрастающей мета-физичности* и изложены чрезвычайно обстоятельно **).

*) По Фуллье, при этомъ соглашеніи не только натурализмъ, но и идеализмъ долженъ слѣдать уступку, а именно: отказаться отъ своихъ *апріорностей*: Фуллье не признаетъaprіорной свободы Канта; по природѣ и въ человѣкѣ, какъ и вездѣ, господствуетъ природный детерминизмъ. Свобода дается человѣку детерминизмомъ же, т. е. причинностью идеи свободы, по природѣ же въ немъ господствуютъ сила и эгоизмъ. Къ сожалѣнію, все это выражено у Фуллье не вполнѣ ясно.

**) Сочиненіе это начинается съ изложенія морали философскихъ доктринъ,

соглашаясь вполнѣ ии съ одной изъ известныхъ въ настоящее время моральныхъ системъ, Фуллье съ силою опровергаетъ ихъ, но въ то же время на ихъ развалинахъ подготавляетъ и свою *естественную* систему, въ основанії которой лежить метафизическая теорія „идей-силъ“. Первоначальную почву всякой морали составляютъ инстинкты и привычки органическихъ существъ вообще. Что же касается до людей, то они не только повинуются мотивамъ удовольствія и избѣгаютъ импульсовъ непріятныхъ, но, кроме того, у нихъ образуется *общая идея блага и зла*, т.-е. идея *моральной*, которая въ своей эволюції уже сама собою полагаетъ основаніе для различныхъ системъ нравственности. Но если всѣ эти системы неудовлетворительны передъ критикою, то какъ выйти изъ этого затрудненія? Повидимому, Фуллье находитъ исходъ въ томъ соображеніи, что въ существѣ всѣхъ моральныхъ системъ лежить идея *самоотречения, безкорыстія* или, въ болѣе высшей формѣ, идея *справедливости, милосердія*, которая суть не что иное какъ *отрицательная и положительная* формы самоотреченія. Эти же идеи естественно постулируютъ *всобщее счастіе*.

Весьма оригинальную черту представляетъ система нравственности самого Фуллье въ томъ, что осуществленіе нравственной идеи (самоотречения, справедливости, всеобщаго—не только человѣческаго, но и космическаго—счастія и т. под.) не обязательно, не составляетъ добра для исповѣдующаго ее. Довольно и того, думаетъ онъ, что эта идея возможна: все остальное придетъ само собою, по законамъ

претендующихъ на полную независимость отъ теологии и метафизики, хотя въ то же время (замѣчаетъ вѣрно Фуллье) прихватывающихъ не мало матеріала изъ этой *зависимой* морали въ свою *независимую*, какъ, наприм., доктрины Литтре, Тэна и проч. Но особенно много труда посвящаетъ Фуллье на изложеніе и опроверженіе тоже якобы независимой морали критицизма, въ системахъ какъ самого Канта, такъ и исокантіанцевъ, въ особенности же французскихъ, во главѣ которыхъ стоитъ почтенный философъ Ренувье. Точно также съ силою опровергаетъ онъ и теологическую мораль французскаго спиритуализма, причемъ главнымъ аргументомъ для него служить несовмѣстимость безконечной благости и могущества Бога съ несовершенствомъ и страданіями существъ, наполняющихъ міръ.

эволюциі. Значитъ, въ концѣ концовъ, человѣкъ самъ можетъ дать себѣ именно то самое счастіе, котораго онъ желаетъ въ своемъ идеалѣ. Это, по мнѣнію Фуллье, согласно и съ тѣмъ фактамъ, что для человѣка истинное наслажденіе существуетъ только тогда, когда онъ самъ достигаетъ его. Отсюда вытекаетъ, что всякий долженъ быть свободенъ по-своему и, далѣе, что всякий долженъ уважать дѣятельность другого.

Вообще, въ этомъ сочиненіи такъ же, какъ и во второмъ изданіи предыдущаго, Фуллье настаиваетъ на принципѣ относительности знанія и кладетъ его въ основу и свободы, и счастья человѣческаго. Такъ какъ мы, по Фуллье, не знаемъ основной сущности человѣка, то и не должны доктрически возлагать на него долженствованія и обязательства.

Такимъ образомъ, онъ даже скептицизмъ какъ бы кладетъ въ основу принципа справедливости и терпимости. Конечно, и принципъ относительности знанія, и ссылки Фуллье на неизвѣстную и непознаваемую *сущность*, ядро и т. под. души человѣческой, и, наконецъ, его колебанія въ окончательномъ объясненіи своихъ принциповъ и основныхъ положеній (какимъ, наприм., образомъ непространственная и безвременная, по существу, идея свободы можетъ реализировать въ пространствѣ и времени акты этой самой свободы и т. под.)—уполномочиваютъ считать его философію еще недостаточно выработанной (по крайней мѣрѣ, въ томъ пунктѣ ея развитія, который выражается послѣднимъ, указаннымъ мною сейчасъ, сочиненіемъ), такъ что пока можно смѣло сказать, что онъ является гораздо болѣе яснымъ и сильнымъ въ критикѣ и разрушеніи старого, чѣмъ въ созиданіи новаго.

Понятія науки и метафизики у Фуллье.

Обратимся къ тѣмъ сочиненіямъ Фуллье, гдѣ онъ систематически выражаетъ послѣднія основанія своей собственной системы и гдѣ еще въ высшей степени обнаруживаются тѣ свойства его, какъ ученаго и философа, на которыхъ я уже указывалъ ранѣе. Сочиненіе, вышедшее въ

1889 году: „L'avenir de la métaphysique“ *), представляеть какъ бы пропедевтику или обширное введеніе къ философії „идей-силъ“ и дѣлится на двѣ части: въ первой разсматриваются понятія метафизики и науки съ ихъ взаимными отношеніями, а во второй—отношеніе понятій метафизики и морали. Въ первой мы находимъ: опредѣленіе метафизики и науки, затѣмъ раздѣленіе метафизики: на формальную или субъективную, на реальную или объективную; далѣе—объ отношеніи метафизики къ поэзіи и, наконецъ, изложеніе метода метафизики. Вторая часть подробно разбираеть вопросы о метафизикѣ, какъ основаніи для морали, и, наоборотъ, о морали, какъ основаніи для метафизики. Въ заключеніе говорится о будущей метафизикѣ и „объ идеяхъ-силахъ“, какъ главномъ и единственному ея содержаніи.

Изъ всего содержанія книги я остановлюсь только на опредѣленіи понятій—науки и метафизики, къ которому Фуллье переходитъ послѣ указанія на односторонность и недостаточность воззрѣній на философию (метафизическую) представителей „научной философії“ (послѣдователей Канта) и „критической философії“ (послѣдователей Канта). Для понятія науки у автора нѣтъ не только *methodische* опредѣленія (*per genus et differentiam*), но и вообще нѣтъ достаточно яснаго указанія на его элементы**) Науку понимаетъ Фуллье, въ сущности, такъ же, какъ и другіе позитивисты; она для него есть „логически упорядоченная система (*système raisonné*)

*) Въ промежуткѣ между этимъ и выше указанными мною сочиненіями Фуллье вышли еще слѣдующія: «La science sociale contemporaine» и «La propriété sociale et la démocratie», гдѣ высказываются его взгляды, касающіеся философії общества, которыхъ я не коснулся вовсе. Точно также не коснусь я и его «Исторіи философії», представляющей, впрочемъ, весьма почтенное сочиненіе.

**) Кстати, я считаю и у Фуллье предразсудкомъ, возникшимъ тоже въ силу невѣрного понятія объ абстракціи, какъ способѣ происхожденія понятій,— мнѣніе, что будто бы есть понятія недоступныя опредѣленію. Такъ какъ всякое понятіе есть результатъ акта мышленія, въ которомъ соотносятся и сравниваются уже прежде готовые элементы сознанія, соединяемые этимъ актомъ въ новое единство, то оно во всякомъ случаѣ можетъ быть опредѣлено путемъ указанія на эти соотносящіеся элементы.

а. к о з л о в ъ.

фактовъ“ (стр. 6). Предметъ ея—„не вещи, а законы“, „не реальность, а истина“, — „формы нашего опыта, а не его живое содержание (стр. 9)“. Что касается до метафизики, то для нея есть болѣе методическое, хотя все-таки неточное, определение, а именно: „метафизика есть анализъ, синтезъ и критика науки, практической дѣятельности и различныхъ понятій (положительныхъ, отрицательныхъ, или же гипотетическихъ), къ которымъ приводить насы совокупность нашихъ познаній, чувствъ и дѣятельностей, относящихся ко всѣмъ реальностямъ (познаннымъ, познаваемымъ или непознаваемымъ)“*).

Этимъ определенiemъ совершенно обойденъ вопросъ: наука ли метафизика, или не наука; но послѣ предварительныхъ разсужденій автора нельзя сомнѣваться, что онъ не считаетъ ее наукой. Но если такъ, то что же она такое? Не давая на этотъ вопросъ прямого отвѣта, определеніе однако позволяетъ отождествлять ее не только съ разными науками, но даже и съ искусствами. Такъ, если остановимся на выраженіи, что „метафизика есть анализъ, синтезъ и критика познанія“, то она какъ бы отождествляется съ логикой, или же *теоріей познанія*, что вообще свойственно позитивизму. Но если возьмемъ въ соображеніе, что метафизика имѣть въ виду „анализъ и синтезъ практической дѣятельности“, то она уже смахиваетъ и на искусство, причемъ, конечно, остался бы не решеннымъ вопросъ, какая же практическая дѣятельность рассматривается въ метафизикѣ: эстетическое ли искусство, или техническое, или же ей, въ качествѣ практической дѣятельности, скорѣе всего подлежитъ дѣятельность *нравственная*. Если же мы остановимся надъ выражениемъ: „понятія, въ которыхъ выражается совокупность нашихъ познаній, чувствованій и проявленій нашей активности“, то все это

*) Вмѣстѣ съ этимъ определенiemъ я приведу и его сокращеніе, сдѣланное самимъ авторомъ, а именно: метафизика есть систематизация и критика познанія, а также и практической дѣятельности, приводящая къ понятію о совокупности реальностей и нашихъ отношеній къ ней. По моему, определенія не ясны и искусственны, такъ что ведутъ къ заключенію, что составлялъ и формулировалъ ихъ Фуллье съ трудомъ и колебаніями.

могло бы быть короче и проще выражено словами: наша душа, нашъ духовный міръ,—и тогда метафизика походила бы на *исихо.юїю*. Что касается дово выражения: „совокупность реально существующаго“, то оно вполнѣ можетъ быть замѣнено терминами: міръ, вселенная, бытіе и проч., и тогда метафизика будетъ означать учение о мірѣ въ его цѣломъ и въ его реальности*).

Но недостатокъ ясности и точности въ опредѣлениіи метафизики у Фуллье, къ сожалѣнію, не восполняется ни предшествующими, ни сопровождающими это опредѣленіе разсужденіями. Такъ, я затрудняюсь понять его, когда онъ цѣлью науки ставить „истину“, а задачу метафизики видѣть въ „изслѣдованіи реальности“, или когда предметомъ науки называетъ „законы“, а „вещи“ какъ бы относить къ области метафизики. Конечно, вопросъ о реальности, или бытіи, не составляетъ задачи физики, химіи или вообще частныхъ наукъ, но, вѣдь, и метафизика занимается этимъ вопросомъ вовсе не въ томъ смыслѣ, что ея представители какъ бы обязаны найти, предъявить, демонстрировать для наблюденія реальность, или бытіе **). По-моему, задача метафизики (какъ части философій) заключается *не въ открытии реальности или бытія*, а въ выработкѣ точнаго методическаго определенія понятія сущаго и его классификациі. Реальность, по ея понятію, есть само по себѣ сущее, независимо и помимо всякихъ актовъ познавательной дѣятельности; и необходимый критерій реальности или бытія, конечно, можетъ быть только у того, кто самъ есть реальность, т.-е. существуетъ. Безъ этого (т.-е. еслибы мы были на самомъ

*) Что, по-моему, и было бы настоящимъ определеніемъ, но не метафизики, а философіи, ибо хотя всюду и постоянно господствуетъ смѣшаніе этихъ двухъ терминовъ, но правильно было бы понимать ихъ такъ, что метафизика есть часть или, точнѣе сказать, *сторона* философіи, какъ науки о мірѣ. Я уже имѣлъ случай высказаться объ этомъ вопросѣ и здѣсь (въ статьяхъ о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“), и въ другихъ моихъ сочиненіяхъ (въ „Очеркахъ“ и въ „Своемъ Словѣ“).

**) Между тѣмъ разсужденіями Фуллье на стр. 25—69 на метафизику возлагается нечто въ родѣ этой обязанности.

дѣлѣ „позитивистическою совокупностью“, „рядомъ событій“, „фантомомъ“, „словесною сущностью“ и т. п.) не было бы ни философіи, ни метафизики, ни даже самого вопроса о реальности. Но быть реальностью еще недостаточно для того, чтобы имѣть о ней правильное понятіе. Человѣкъ и животное разнятся не въ томъ, что одному реальность доступна, а другому нѣтъ. Животное, говоря figurально, не менѣе человѣка, если не болѣе, погружено въ потокъ реальности, но только, не имѣя разума и мышленія, оно не можетъ понимать этого и отличать реальное отъ нереального, бытіе отъ небытія, чтобъ доступно человѣку, благодаря его специфической реальной функциї, мышленію, которое въ результатѣ даетъ всѣ науки и между ними метафизику, представляющую ученіе о реальности, которая, какъ таковая, сама по себѣ вовсе не есть ученіе или наука, ибо не пріобрѣтается путемъ изученія (мышленія), а *есть* (т. е. дана, переживается).

На этомъ пути метафизика (философія) дѣйствуетъ совершенно такъ же и тѣми же пріемами, какъ и всякая другая наука. Подобно имъ, она состоитъ изъ сужденій и понятій, методически (логически) приведенныхъ въ систему. Частныя науки вырабатываютъ понятія о частныхъ свойствахъ сущаго, метафизика (философія)—понятіе о сущемъ, помимо его частныхъ различій *).

Поэтому я не могу согласиться съ мнѣніемъ Фуллье, что будто бы науки (частныя) совсѣмъ не соприкасаются съ реальностями и съ вещами, а только изучаютъ законы. Неужели астрономъ, спрашиваю я, изучая движенія небесныхъ

*) Когда Фуллье, все-таки, въ концѣ концовъ, въ значительной степени дви- гающейся въ общепозитивистской колѣ, ратуетъ противъ старой онтологіи, то онъ неточно понимаетъ ея грѣхи, а потому правъ только отчасти. Старая онтология, занимавшаяся, въ сущности, определеніемъ понятія бытія, въ этомъ вполнѣ права; и грѣхъ ея состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что она при образованіи этого понятія видѣла сущее не тамъ, где слѣдуетъ, какъ, напр., въ пространственности, движимости, матеріальности и т. под. и не обращала надлежащаго вниманія на область индивидуального непосредственного сознанія.

тѣль, ихъ форму, вѣсъ, химическій составъ и пр.; или геологи, минералоги, физики и химики, изучая составъ, формы и состоянія матеріальныхъ тѣль и различныя перемѣны, въ нихъ происходящія, не считаютъ все это дѣйствительностью? Развѣ также зоологи и ботаники не считаютъ изучаемые ими предметы за дѣйствительныя вещи съ ихъ дѣйствительными актами и состояніями? Точно также историки, вѣдь, не думаютъ, что предметы ихъ изученія относятся къ фантомамъ или выдуманнымъ существамъ *)? Что же касается до пресловутыхъ законовъ, которые, по Фуллье, какъ бы составляютъ специальное содержаніе наукъ, то, какъ мы уже видѣли, это есть не болѣе, какъ особая форма словеснаго изложенія результатовъ научнаго изслѣдованія, вовсе не составляющая существенной принадлежности наукъ, напр., естественныхъ. Вѣдь и продукты такъ называемаго метафизического мышленія сплошь и рядомъ выражаются во внѣшней формѣ законовъ, которымъ подчиняется дѣятельность тѣхъ или другихъ существъ. Такъ, напр., у философовъ, метафизиковъ можно постоянно найти выраженіе актовъ, необходимо совершаемыхъ, сообразно ихъ природѣ, субстанціями, въ формѣ законовъ.

Но если для меня кажется страннымъ мнѣніе Фуллье, что науку онъ какъ бы отдѣляетъ отъ реальности, то еще страннѣе кажется другое мнѣніе, въ которомъ онъ метафизику отдѣляетъ отъ истины. Всѣ метафизики, сколько мнѣ из-

*) Конечно, Фуллье можетъ стать на точку зреінія Тэна и справедливо сказать, что, вѣдь, названные ученые, считающіе реальностями изучаемые ими предметы, въ большинствѣ случаевъ наивно не сознаютъ, что эти реальности суть наши же образы, взятые изъ ощущеній, или, говоря терминами Тэна, „наши галлюцинаціи“, а не дѣйствительность, и въ случаѣ поправки этой наивности все-таки вышеизванные ученые размѣли бы подъ образами нѣчто относящееся къ реальности, какъ къ причинѣ образовъ. Такъ, напр., Тэнъ и вообще менѣе наивные представители естествовѣдѣнія, строже сознающіе, что цѣлтвъ, звуковъ, запаховъ, холода, тепла и т. п. вовсе нѣть «тамъ», въ такъ-называемомъ вѣнѣшнемъ мірѣ, все-таки предполагаютъ какую-либо реальность, скрывающуюся подъ этими образами вещей и означающую, напр., Тѣномъ подъ именемъ „подвижныхъ двигателей“, а научными матеріалистами естествовѣдѣнія подъ именемъ „молекулъ, атомовъ“ и т. п.

вѣстно, заявляли претензію, что содержаніе ихъ метафизическихъ положеній составляетъ *самую высшую истину*; и еслибы мы даже не согласились ни съ однимъ изъ нихъ, то все-таки, по-моему, для мыслителей, признающихъ метафизику, значитъ, и для Фуллье, дѣло иначе быть не можетъ; положенія, въ которыхъ опредѣляется, характеризуется реальность, бытіе, суть высшія истины сравнительно со всякими другими познаніями и истинами, которая уже будутъ выводными, условными истинами, опирающимися на первыя*).

Но однако въ томъ же сочиненіи Фуллье можно нерѣдко встрѣтить положенія, не согласныя съ сейчасъ указаннымъ отдѣленіемъ метафизики отъ науки. Мѣстами **) онъ даже прямо называетъ метафизику наукою; такъ, напримѣръ, науки о природѣ, а также и психологію онъ считаетъ *абстрактными*, а метафизику *конкретною наукой****). Далѣе, если метафизика — не наука, то для меня непонятно требованіе Фуллье, чтобы она разрѣшала свою задачу изслѣдованія реальности подъ контролемъ наукъ, чтобы она создавалась изъ научныхъ

*) Здѣсь кстати сказать, что я не раздѣляю нѣсколько наивнаго положенія, слѣды котораго можно встрѣтить и у Фуллье, что истина состоится *въ согласіи* (сходствѣ) нашихъ представлений съ дѣйствительностью, т.-е. что въ истинномъ положеніи наши мысли, или представлениія суть какъ *копія, снимокъ или отраженіе* бытія, или что они похожи, сходны съ дѣйствительностью. Нѣтъ, мысль вовсе не есть копія, а какъ функція нашей субстанціи, есть сама тоже бытіе, дѣйствительность особаго рода. Но, кромѣ того, мысль всегда имѣеть специфическое отношеніе ко всяческой иной дѣйствительности (чувству, желанію, цѣлой субстанції). Мысль, когда она истина, т.-е. произошла вслѣдствіе нашего дѣйствительнаго отношенія къ реальнымъ, а не мнимымъ существамъ или ихъ дѣятельностямъ, и когда она точно выражаетъ это отношеніе, не есть, конечно, копія дѣйствительности, но *соответствуетъ* ей. Отсюда та метафизическая система, которая состоитъ изъ такихъ мыслей или понятій, можетъ быть, пожалуй, названа—однако, только въ *фигуральномъ смыслѣ*—отраженіемъ, отблескомъ, если угодно, даже и копіей бытія.

**) Читатель, не знакомый съ сочиненіемъ Фуллье «L'avenir de la mѣtaphysique», можетъ, въ случаѣ надобности, провѣрить мои ссылки по изложению этого сочиненія г. Введенскимъ, помѣщенному здѣсь въ журналѣ въ №№ 10 и 11.

***) О неправильности приложенія терминовъ: абстрактный, конкретный къ слову: наука, см. мою статью «О Контѣ», стр. 67.

данихъ, чтобы въ понятіи міра она об'единила, связала и координировала понятія, теоріи и построенія различныхъ наукъ. Наконецъ, я не понимаю, какъ, при коренному различії наукъ и метафизики, Фуллье видить для нихъ одинъ и тотъ же источникъ, именно—опытъ.

Какъ, спрашиваю я, будуть науки, не касающіяся реальностей, контролировать метафизику въ ея поискахъ за ними? Положимъ, напримѣръ, метафизика найдеть въ субъективномъ сознанії основанія признать за реальность Высочайшую Субстанцію, тогда какъ отдельныя точные науки (математика, механика, астрономія, физика, хімія), выражаясь словами Лапласа, не только не чувствуютъ надобности „въ этой гипотезѣ“, но сочли бы ее только бесполезною помѣхою въ дѣлѣ установки „непреложныхъ, желѣзныхъ“ законовъ природы? Какъ, спрошу я далѣе, будетъ координировать для связного міросозерцанія понятія наукъ метафизика, если для физики и хімії, какъ думаетъ Фуллье, необходимъ *атомъ*, а математика его отрицаєтъ? Вѣдь, между отрицаніемъ и утвержденіемъ ничего средняго нѣтъ! Если же метафизика одинаково отвергнетъ требованія какъ физики съ хіміей, такъ и математики, и въ основу міра положитъ какое-нибудь начало, найденное ею самой, напр., безпространственный субстанціи, то, значитъ, она уже выйдетъ изъ—подъ контроля наукъ и будетъ дѣйствовать не только независимо отъ нихъ, но даже вопреки и противоположно имъ. Наконецъ, какъ можетъ метафизика одинаково съ науками имѣть основаніе въ опыте, если, какъ это можно усмотреть изъ разсужденій Фуллье, науки руководятся объективнымъ (чувственнымъ) опытомъ, а метафизика вполнѣ субъективнымъ, т.-е. тѣмъ опытомъ, который доступенъ каждому отдельному существу только въ его индивидуальномъ сознанії?

Надѣюсь, что въ моихъ замѣчаніяхъ по поводу воззрѣній, высказанныхъ Фуллье въ сочиненіи „*L'avenir de la métaphysique*“, читатель не увидитъ предвзятаго желанія, во что бы то ни стало, возражать ему. Уже не разъ заяв-

ленное мною высокое мнѣніе о его философской дѣятельности распространяется и на это его сочиненіе, пожалуй, еще въ высшей степени, чѣмъ на предыдущія; но, тѣмъ не менѣе, я не могу не видѣть, что многія понятія Фуллье, каковы, напр., понятія науки, метафизики, сознанія, міра, первыхъ принциповъ, опыта и т. п., недостаточно выработаны, не соотвѣтствуютъ его собственнымъ тенденціямъ и приводятъ къ противорѣчіямъ съ ними. Главная причина неудовлетворительности системы Фуллье въ ея цѣломъ, какъ я уже упоминалъ и выскажусь еще ниже, заключается въ томъ, что Фуллье, хотя и желаетъ поставить философию на новыхъ началахъ, но все-таки стоитъ еще на старой почвѣ и далеко еще не вполнѣ отрѣшился отъ позитивизма, а вмѣстѣ съ нимъ и отъ дуализма, съ которымъ онъ хочетъ и думаетъ бороться. Теперь обращусь къ краткому изложению и характеристику его понятія идей-силъ.

Понятіе идей-силъ у Фуллье.

Это собственная теорія Фуллье, въ которой у него эволюционизмъ основанъ не на механическомъ движении, а на „идеяхъ-силахъ“. Для ея изложенія я воспользуюсь его сочиненіемъ, помѣщеннымъ *) въ 1890 году въ I-мъ томѣ журнала „Revue Philosophique“ и состоящимъ изъ 3-хъ статей (стр. 113—137, 267—296, 337—364). Этою характеристикой я и закончу мой обзоръ сочиненій и вообще философи Фуллье. Свою собственную теорію онъ развиваетъ путемъ постоянной полемики съ позитивистами, а также и съ философствующими научными материалистами, напр., Бэномъ, Спенсеромъ, Маудсли, Гексли и другими. Но болѣе всѣхъ онъ въ этой полемикѣ имѣетъ въ виду Спенсера, котораго упрекаетъ въ дуализмѣ, видявшемъ факторы эволюціи въ „материальномъ автоматѣ“ и въ умственной**) сторонѣ (аспектѣ,

*) Оно уже вышло и отдельно.

**) Какъ и Тэнъ, Фуллье вездѣ вмѣсто термина: духовный, или психический—употребляется: умственный.

видѣ)“, которые у него соединены только внѣшнимъ образомъ, или же при помощи „трансцендентнаго монизма“ (т.-е. въ томъ принципѣ, который у Спенсера называется „Непознаваемымъ“). Этому Спенсеровскому одностороннему эволюціонизму Фуллье противополагаетъ свой, по его мнѣнію, настоящій, подлинный, „опытный и имманентный“ монизмъ. Разматривая критически господствующую нынѣ теорію „двухъ видовъ (аспектовъ) бытія, умственного и физического“, Фуллье съ большою силой и остроуміемъ разбираетъ различные, наиболѣе распространенные теоріи о взаимной связи и отношеніи этихъ видовъ и не соглашается съ ними, главнымъ образомъ, потому, что всѣ онѣ въ той или другой формѣ и степени отрицаютъ дѣятельную силу у психической стороны бытія и, слѣдовательно, не признаютъ за нею никакого причиннаго значенія въ эволюціи какъ цѣлого міра, такъ и отдельныхъ существъ. Отсюда выводится слѣдствіе, что „умственный (психическій) аспектъ бытія во всеобщемъ детерминизмѣ“ представляетъ нѣчто случайное, какую-то „безполезную прибавку въ міровомъ развитіи“, или, выражаясь терминомъ Маудсли, „эпифеноменъ“, безъ котораго это развитіе было бы совершенно точно такимъ же, каково оно и при явленіяхъ сознанія и чувства, т.-е. не измѣнилось бы, еслибы никто въ мірѣ не думалъ, не чувствовалъ и не желалъ. Возставая противъ этого, Фуллье считаетъ факторами или силами, участвующими въ міровомъ развитіи, и психическая состоянія—ощущенія, мысли, желанія, волю—и, напротивъ, хочетъ замѣнить ими механическую эволюцію.

Фуллье принимаетъ слово *идея* не въ обычномъ смыслѣ мысли или представлениія; такъ какъ съ этими послѣдними всегда связаны чувство или стремленіе (воля), то идея означаетъ у него всѣ эти „состоянія сознанія“ въ ихъ неразрывномъ соединеніи. Это и есть „идея-сила“, ибо о силѣ, дѣйствіи, вліяніи и т. п., по Фуллье, мы ничего не могли бы знать изъ одного матеріального міра; съ „дѣятельною силой“, „производящей причинностью“, мы знакомимся только изъ состояній нашего субъективнаго сознанія. Си-

лы же, принадлежащія идеямъ, не создаютъ „новыхъ движений“, которые всегда вытекаютъ изъ старыхъ. Поэтому силы, въ точномъ смыслѣ, принадлежать только „умственному (душевному) аспекту“, въ „физическомъ“ же силъ нѣтъ, а есть только движения. Несмотря на то, что здѣсь Фуллье, по-моему, выходитъ вообще на болѣе близкій къ истинѣ путь, все-таки, въ сущности, для него образцомъ силъ служатъ физическая (тяготѣніе, электричество, теплота и проч.), по аналогіи съ которыми онъ и образуетъ понятіе идей-силъ. Кстати, если силы не производятъ движений, то откуда же произошли первыя, а за ними и всѣ послѣдующія движения? Очевидно, что здѣсь матерія, съ ея единственою функцией—движениемъ, принимается, вопреки основной реальности силъ, въ качествѣ самостоятельного начала и что „имманентный, опытный (научный)“ монизмъ Фуллье есть тотъ же дуализмъ, но только прикрытый разными благочестивыми намѣреніями и хорошими словами. Точно также онъ строго отличаетъ свои идеи, какъ силы, отъ „идей“ въ смыслѣ, господствующемъ въ современной психологіи, гдѣ онѣ суть рефлексы (нѣчто отраженное, посредственное). Но такъ какъ идеи у него составляютъ область первичного, прямого сознанія, то и въ этомъ понятіи онъ значительно разнится отъ представителей наиболѣе господствующихъ теперь воззрѣній. Такъ, онъ не допускаетъ ничего абсолютнно-безсознательнаго; не согласенъ также и съ тѣмъ, что сознаніе образуется изъ скопленія „нuleй сознанія“, или что состоянія сознанія происходятъ изъ какихъ-то первоначальныхъ „единицъ композиціи“, однородныхъ съ ихъ сознаваемыми суммами (наприм., въ нашихъ ощущеніяхъ), но доступныхъ сознанію только тогда, когда онѣ суммированы.

По теоріи „идей-силъ“, сознаніе есть нѣчто, ни отъ чего не происходящее, а первоначальное; оно есть способъ, „какимъ“ существо является самому себѣ“ въ качествѣ существующаго и дѣйствующаго. Это „первичное, свободное, спонтанное“ есть, по Фуллье, воля; поэтому „влеченіе,

желаніе и дѣйствіе есть первое, чрезвычайно смутное сознаніе, изъ которого далѣе образуются всѣ прочія состоянія сознанія въ различныхъ, по составу и степени ясности, сочетаніяхъ. Но, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, первоначального смутного сознанія, стремленіе и воля, по Фуллье, все-таки не есть абсолютно единственный составной психической элементъ; она только преобладаетъ надъ другими (чувствомъ, представлениемъ), но въ такой степени, что они кажутся какъ бы отсутствующими или исчезнувшими въ сознаніи воли. Значитъ, въ основаніи всякаго бытія лежатъ, по Фуллье, процессы духовные, а вовсе не движенія въ пространствѣ и времени. Движенія, по Фуллье, суть приспособленія, уже вытекающія изъ желанія (конечно, первоначально не мотивированнаго отчетливымъ выборомъ) *). Между этими процессами и движеніями, въ которыхъ разрѣшается то, что называется матеріею, лежитъ цѣлая пропасть; поэтому, думаетъ Фуллье, реальные процессы не выражаются въ законахъ физическихъ, которыхъ (наприм. паденія, тяготѣнія и проч.) природа совсѣмъ не знаетъ. Эти законы только *символы*; и если посмотретьъ на фактъ и законъ паденія, наприм., метафизически, то падающее тѣло есть не иное что, какъ нѣкоторое *дѣйствіе и страданіе* (акція и реакція). Отсюда система вещей не исчерпывается однимъ *количествомъ*, т.-е. числомъ, видомъ (формою) и временемъ.

*) Здѣсь опять кстати замѣчу, что вся эта теорія уже до эволюціи, чрезъ которую все произошло, тихомолкою предполагаетъ *дѣй готовыхъ вещей: субъектъ* (духовную субстанцію), въ которомъ, такъ сказать, впервые забрезжилась воля, желаніе, а во-вторыхъ, какое-то бытіе или *среду*, къ которой нужно приспособляться и которая, по теоріи, должна быть невозможна до воли. Конечно, она и есть не что иное, какъ движущаяся въ атомахъ и молекулахъ естествовѣдѣнія или „подвижныхъ двигателяхъ“ Тэна—матерія. Вѣдь воля, хотя бы въ латентномъ соединеніи съ эмоціею и мыслью (представленіемъ), еще не есть среда, къ которой долженъ принаровляться спонтанно хотяшій субъектъ.—Иное дѣло у Шопенгауера, гдѣ воля обманчиво принаровляется къ своимъ же мнимымъ объектамъ.—Но въ опытной, имманентной, контролируемой науками, метафизикѣ Фуллье нельзя раздѣлываться съ этими вопросами такъ, какъ это дѣлаетъ Шопенгауэръ. Значитъ, Фуллье пришлось пустить въ ходъ, конечно, не предумышленно, софизмъ, называемый *repetitio principii*.

Одинъ механическій эволюціонизмъ есть, по Фуллье, не болѣе, какъ та часть нашего опыта, которую мы субстанцируемъ и гипостазируемъ, произвольно дѣлая изъ этой части абсолютную реальность. Процессъ механическій и процессъ сознательный, —утверждаетъ Фуллье, не давши, однако, достаточнаго на то доказательства,—не суть двѣ реальности индифферентныя одна къ другой, но одна и та же реальность, различающаяся только по способу и средствамъ ея воспріятія.

Что касается до отношенія психического бытія и физического, или движенія, то Фуллье думаетъ, что всякое состояніе, какъ бы слабо оно ни было, непремѣнно имѣть количество или интенсивность, которой соответствуетъ движение какой - либо интенсивности. Всякая внутренняя перемѣна въ идеяхъ - силахъ всегда связана съ переменной въ движениі; отсюда неизбѣжно присоединеніе къ ней процессовъ: временнаго (или продолжительности) и процесса пространственнаго. Поэтому три начала, хотя и въ разныхъ степеняхъ, соединены со всякимъ движениемъ: эти начала—представленіе, эмоція и влеченіе *).

Я считаю, что сдѣланныхъ мною сейчасъ краткихъ указаний на теорію „идей-силъ“ совершенно достаточно для общей характеристики философіи Фуллье. Добавлю только, что задача всего его сочиненія „Эволюціонизмъ идей-силъ“ представляется какъ бы двѣ стороны: одна — положительная сторона — наполнена обосновкой и разнообразными доказательствами (особенно отъ противнаго) этой теоріи, друга-

*.) Какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ другихъ, Фуллье иногда произвольно отождествляетъ и связываетъ то, что по самой природѣ не можетъ быть отождествлено и связано. Такъ, наприм., психическія состоянія сознанія и физическое движение въ пространствѣ и времени никакимъ образомъ не соединимы и не сводимы другъ на друга по той простой причинѣ, что ни представлениія, ни эмоціи не занимаютъ пространства, а замѣчаются смыслившимися только во времени. Если же понимать правильно время, т.-е. не какъ что-либо реальное, а только какъ зависящее отъ нашего несовершенства отраженіе нашихъ умственныхъ отношеній къ реальному, то смына эта проходитъ только въ насть (или иначе: дѣйствительный міръ со всѣмъ его реальнымъ содержаніемъ вѣчно одинъ и тотъ же. См. «Свое Слово», № 3-й).

гая — отрицательная — представляетъ обстоятельное, про-веденное съ разныхъ точекъ зре́нія, опровержение того положенія, что психическая сторона бытія никакого сущес-твенного значенія въ эволюціи не имѣть и что она есть только побочная прибавка къ физической, или „эпифеноменъ“. Перву, несмотря на много цѣнныхъ и вѣрныхъ частныхъ взглядовъ, я все-таки считаю, въ концѣ концовъ, неудавшуюся; и на причину этой неудачи я уже сдѣлалъ нѣкоторые намеки, а сейчасъ сдѣлаю и еще. Что касается до другой части задачи Фуллье, то я нахожу ее выполненною весьма хорошо. Едва ли послѣ его работы возможно будетъ фило-софамъ-позитивистамъ и научнымъ матеріалистамъ такъ са-моувѣренно объяснять міровое развитіе механической эво-люціей и отрицать всякое значеніе у психическоаго бытія. Въ энергіи и талантѣ, съ которыми Фуллье борется за при-знаніе послѣдняго, заключается его почтенная заслуга даже и передъ европейской философіей вообще, но уже во вся-комъ случаѣ — передъ французской.

Заключеніе о философіи Фуллье.

Теперь кратко скажу о томъ, гдѣ, по моему мнѣнію, при сильной потребности выйти въ философіи на совсѣмъ новую дорогу, Фуллье все еще, вслѣдствіе разныхъ причинъ, остает-ся на старой. Важнѣе всего это обнаруживается въ основ-ныхъ философскихъ понятіяхъ: одни изъ нихъ имъ недоста-точно выяснены, въ другихъ же остались непреодолѣмыми ложные элементы, вошедшіе въ нихъ изъ традиціи и сохра-нившіе надъ Фуллье свою власть, нерѣдко даже вопреки его новымъ тенденціямъ; третыи ему не удалось точно фор-мулировать сообразно этимъ его тенденціямъ и замыслу. На нѣкоторыя изъ таковыхъ понятій я уже указывалъ, какъ, наприм., на понятія „науки, метафизики, реальности“ и т. п.; о другихъ скажу теперь.

I. Фуллье не разобрался въ понятіяхъ *сознаніе* и *знаніе*, а потому не преодолѣлъ обычно господствующаго въ нихъ смѣ-шенія и не могъ точно опредѣлить ихъ содержанія, объема

и указать на ихъ точки соприкосновенія. Для него осталось неяснымъ, что существенное различие ихъ состоить въ томъ, что сознаніе есть *источникъ всяческаго знанія*, сырой *материалъ*, предшествующій его постройкѣ, и что въ немъ человѣкъ и другія существа соприкасаются съ доступною имъ реальностью, или бытіемъ. Сознаніе, какъ таковое, совсѣмъ не есть знаніе, которымъ оно становится только тогда, когда приводитъ мышленіе *), въ какой бы элементарной и неясной степени оно ни происходило, потому что для преобразованія сознанія въ знаніе нужно, чтобы непосредственно (просто) сознаваемое было посредствомъ акта мышленія *отнесено* одно къ другому; и такъ какъ разъ соотнесенное можетъ снова и снова соотноситься съ другими соотнесенными, то дѣятельность мышленія можетъ, расширяясь, идти въ безконечность. Возникаютъ все новыя и новыя *единства* (понятія) съ новыми точками зреенія; и такимъ путемъ все расширяется и углубляется цѣлое міросозерцаніе. —Что для Фуллье все это не ясно, видно уже изъ того, что въ разныхъ мѣстахъ его послѣднихъ сочинений имъ брошены совсѣмъ различные воззрѣнія на сознаніе. То онъ употребляетъ этотъ терминъ въ смыслѣ души вообще, то ставитъ сознаніе на ряду съ мыслью, чувствомъ, волею, т.-е. видѣть въ сознаніи особую, подобную этимъ, душевную функцию, то смотритъ на сознаніе, какъ на какую-то особую силу, имѣющую специальное причинное значеніе въ эволюціи. Съ другой стороны, есть мѣста, гдѣ Фуллье употребляетъ этотъ терминъ правильнѣе, напр., когда онъ справедливо утверждаетъ, что абсолютно - безсознательныхъ психическихъ состояній нѣтъ, т.-е. что безсознательное есть то же, что и сознательное, но только разничающееся отъ него чрезвычайно малою

*) Примѣромъ сознанія безъ всякаго знанія можетъ служить сознаніе животныхъ и маленькихъ дѣтей, которыя *сознаютъ* все то же, что и взрослые люди, но ничего не знаютъ, не понимаютъ. То же, что обыкновенно считается и называется знаніемъ животныхъ, есть только такъ-называемая механическая ассоціація идей (т.-е. въ сущности состояній сознанія: ощущеній, образовъ, чувствъ, желаній), первоначально общая какъ для животныхъ, такъ и для людей, но потомъ у послѣднихъ постепенно переходящая въ процессъ знанія.

інтенсивністю. *). Отъ невыработанности у Фуллье понятія сознанія онъ не дѣлаетъ, да и не подозриваєтъ важного различія между сознаніемъ первоначальнымъ и производнымъ, непосредственнымъ и опосредствованнымъ (путемъ мышленія, вывода), простымъ и сложнымъ.

Но, кромѣ смѣшенія понятій сознанія и знанія, у Фуллье обнаруживаются и другія неточности по отношенію къ этому послѣднему. Онъ выражается, наприм., такъ, какъ будто бы познаніе, такъ сказать, облекаетъ, обволакиваетъ реальность, или какъ будто оно въ нее входитъ, проникаетъ ее и т. под. Отсюда происходитъ у него и столь обычное въ позитивизмѣ сочетаніе терминовъ, „реальность познаваемая и непознаваемая“ **). Точно также онъ, по обычаю, допускаетъ чувственное и умственное познаніе, между тѣмъ какъ, въ точномъ смыслѣ слова, чувства знаній не даютъ, а служатъ только условіемъ для сознанія; познаніе-же всегда есть продуктъ мышленія, т.-е. соотношенія сознаваемыхъ элементовъ. Наконецъ, въ зависимости отъ той же невыработанности указанныхъ понятій стоитъ у Фуллье неточное и двусмысленное употребленіе понятій: опытъ, фактъ ***), явленіе, на что я уже указывалъ въ моихъ статьяхъ о Конть и Тэнѣ.

*) Сознаніе не есть что-либо особое отъ того, что сознается: первоначально и существенно, оно есть понятіе *не качественное, а количественное*, т.-е. осо-
бая степень интенсивности того, что сознается. Только впослѣдствія (уже вторично), когда этимъ терминомъ означаются всѣ *одновременные и однородные*
акты сознанія, взятые вмѣстѣ, оно можетъ перейти въ понятіе качественное;
такъ, напр., когда мы въ такомъ пониманіи думаемъ отдѣлить въ особые
классы сознающія существа отъ несознающихъ, хотя такое отдѣленіе будетъ,
конечно, не точно, потому что абсолютно несознающихъ, какъ сказано, вовсе
реально не существуетъ для насъ, или они существуютъ только въ умѣ или
воображеніи, какъ, наприм., материальные вещи (образы).

**) Коли — «реальность», такъ она непремѣнно діяла въ сознаніи, слѣдовательно,
вообще познаваема, хотя люди цѣлые вѣка могутъ не умѣть понимать ее и
ясно формулировать это пониманіе.

***) Когда, наприм., онъ предполагаетъ, что метафизика должна изслѣдоватъ
какіе-то «неразложимые факты», то, очевидно, смѣшиваетъ понятіе факта съ
понятіемъ первоначального сознанія. Факты же, всегда включающіе въ себя
мышленіе, а слѣдовательно — выводъ и заключеніе, суть продукты нашего акта
сравненія и отнесенія другъ къ другу элементовъ и всегда разложимы на эти
элементы.

2. Весьма большою неопределенностью отличаются у Фуллье и понятия движений и материи. Конечно, ему крайне желательно привести движение, или „физический аспектъ“, въ зависимость отъ психического и сдѣлать изъ первого простой символъ второго. Но, однако, это ему не удается, да и не могло бы удастся, ибо и онъ къ основнымъ начальамъ естественныхъ наукъ, пространству, времени, и далѣе, движению и материи, относится такъ, какъ будто бы они существуютъ реально. Но такъ какъ идеи, т.-е. воля, эмоция и мысль въ пространствѣ не находятся, а Фуллье разумѣеть движение въ пространствѣ, то на-ряду съ безпространственными и недвижущимися идеями онъ допускаетъ и движущуюся въ пространствѣ матерію и, слѣдовательно, *дуализма онъ не предполагаетъ*. Все же то, что онъ говоритъ о своемъ монизмѣ и о значении идей въ мировой эволюціи, сводится, въ концѣ концовъ, къ недоказаннымъ утвержденіямъ.

3. Въ отношеніи Фуллье къ понятію субстанціи также обнаруживается власть надъ нимъ господствующихъ философскихъ направлений. Въ его признаніи матеріи, какъ субстанціи, нельзя сомнѣваться, но далеко не такъ ясно и твердо признаніе субстанціальности нашего „я“, хотя оно и выражается не только въ пресловутыхъ „мы“, или же „въ употребленіи «я» въ обыкновенномъ смыслѣ“, по выражению Тэна. Можно даже встрѣтить такія положенія, гдѣ, наприм., прямо сказано, что наша внутренняя дѣятельность *сопровождается* болѣе или менѣе смутнымъ „непосредственнымъ чувствомъ самого себя“ („Эволюціонизмъ“, стр. 129)*). Но *принципиальной* и *систематической* постановки идеи нашей субстанціи все-таки у него нѣтъ. Отсюда, наприм., его вѣрное утвержденіе, что воля, эмоция, мысль всегда сознаются вмѣстѣ, а не въ отдѣльности, не имѣеть надлежащаго основанія и можетъ показаться голословнымъ. Только при допущеніи субстанціи становятся вполнѣ ясными какъ необходимость одновременности функций представлениія, эмоціи,

*) Правильнѣе нужно было бы сказать: сознаніемъ, а не чувствомъ.

воли или желанія и—прибавлю я—ощущеній (смѣна которыхъ и составляетъ движение), такъ и ихъ кажущееся времененнымъ, причинное соотношеніе другъ съ другомъ. (Наприм., у человѣка мысль или представление, повидимому, вызываетъ чувство, чувство въ свою очередь — желаніе, желаніе—движение, т.-е. цѣлый сложный комплексъ ощущеній). Но, кромѣ этого, реальность нашей субстанціи обезпечивается особымъ сознаніемъ ея, отличнымъ отъ сознанія функцій, о чёмъ я уже говорилъ въ предшествующей статьѣ. Если не отрицаніе субстанціи, то, по крайней мѣрѣ, неполное и неясное признаніе ея у Фуллье, главнымъ образомъ, и побуждаетъ меня назвать то направление, котораго онъ — важнѣйший представитель, *полупозитивізмъ*. Твердое и принципіальное признаніе субстанціи, конечно, должно было бы отразиться въ метафизикѣ Фуллье. Ему открывалась бы не только возможность, но даже необходимость говорить о бессмертіи человѣческой субстанціи, да и самый эволюціонизмъ получилъ бы иной характеръ; эволюція состояла бы *не изъ фактovъ*, существующихъ только въ нашей мысли, а изъ перемѣны въ реальнай координації функцій, происходящей въ каждой человѣческой субстанціи, и далѣе, изъ перемѣны реальныхъ отношеній между нею и всѣми субстанціями цѣлаго міра.

4. Теперь я скажу два слова о „методѣ соглашенія доктринъ“, чрезмѣрное увлеченіе которою вредно отразилось на построеніи философской системы Фуллье. По поводу этой методы его, хотя и не совсѣмъ справедливо, обвиняли въ томъ безпринципномъ *эклектизмѣ*, въ которомъ философъ въ выборѣ для своей системы цѣлыхъ доктринъ или отдѣльныхъ положеній руководится не самостоятельно и отчетливо выработанными *принципами и критеріями*, а субъективнымъ, случайнымъ *вкусомъ*, или же желаніемъ не расходиться со всѣми другими мыслителями, и который даже въ лучшемъ случаѣ ведетъ только къ болѣе или менѣе ловко прикрытому компромиссу. Но для такого эклектизма Фуллье, конечно, слишкомъ самостоятеленъ и талантливъ. И одна-

ко же, забывая, что въ философии болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо, чтобы цѣлая система имѣла свое единство въ единстве создающаго его индивидуального *духа*, Фуллье полагался на вѣшнія, искусственно и подробно выработанныя имъ правила или пріемы этого „соглашенія доктрины“^{*)}. Таковы, наприм., пріемы „постройки системъ-типовъ“, вполнѣ рациональныхъ и послѣдовательныхъ, причемъ строящій долженъ „поправлять и дополнять данные въ исторіи доктрины“; при недостаткѣ же данныхъ можно даже „строить воображаемыя системы-типы“, подобно тому какъ математики „строятъ мнимую геометрію по аналогіи съ евклидовой геометріей“. Далѣе нужно „анализировать въ каждой системѣ начала“, „опровергнуть ошибки“, „произвести синтезъ началъ“ и „согласить истины всѣхъ системъ другъ съ другомъ“^{**)}). Затѣмъ слѣдуютъ методы „совпаденій“, „вставка среднихъ терминовъ“, „эквивалентовъ“ и т. п.

Но, несмотря на эти съ большимъ тщаніемъ выработанные пріемы, Фуллье все-таки не удалось согласить ни „детерминизма съ индетерминизмомъ“, ни причинности съ „самопроизвольно (спонтанно) возникшими волею и другими идеями“^{***}), ни „натурализма съ идеализмомъ“. Наконецъ, ему не удалось обеспечить и увѣренность „во всеобщемъ космическомъ счастії“. Благочестивы, но нѣсколько наивны соображенія о томъ, что разъ появились въ людяхъ идеи умѣренности, справедливости и братства, то уже эволюція сама собою приведетъ къ ихъ абсолютному господству въ этомъ кос-

^{*)} Онъ излагаетъ эти пріемы въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, наприм. въ „Исторіи философіи“ и въ „Метафизикѣ будущаго“.

^{**)} Здѣсь, кстати, не могу не замѣтить, что если кто-либо можетъ отличать *все истинное* во всѣхъ и каждой философскіхъ системахъ, то, конечно, онъ уже предварительно обладаетъ полною философскою истиной, а потому вмѣсто излишнихъ для него опроверженій, поправокъ, дополненій въ существующихъ системахъ, вмѣсто построений системъ воображаемыхъ, анализа и синтеза началъ и т. п., ему остается только изложить тѣ истины, которыми онъ уже обладаетъ.

^{***}) Чья эта спонтанная воля?.. Каждаго существа что ли: человѣка, животного, клѣточки, молекулы, атома? Или же это просто Шопенгаузеровская воля, т.-е. ничья, а потому и запускающая свои жадные зубы въ свое же собственное нутро?

мосѣ *). По моему мнѣнію, вмѣсто всѣхъ этихъ искусственныхъ и даже совсѣмъ невозможныхъ (по прямому противорѣчію) соглашеній, Фуллье могъ бы гораздо проще устранить притязанія материалистического механизма на безусловное значение въ эволюції, указавъ, что его *принципы* (время, пространство, движеніе и матерія) *не реальны*, а потому и не могутъ объяснять дѣйствительного міра и господствующихъ въ немъ отношеній. Но это нисколько не мѣшаетъ естественнымъ наукамъ условно изслѣдоватъ и формулировать, на основаніи этихъ принциповъ, законы отраженія этихъ реальныхъ міровыхъ отношеній въ явленіяхъ нашего сознанія,—законы, имѣющіе большую важность въ практическомъ отношеніи. Поэтому наука, существующая изслѣдовать *реальные* отношенія, т.-е. философія (метафизика), не только не можетъ быть поставлена подъ контроль соотвѣтственныхъ наукъ, но, наоборотъ, должна преобразовывать ихъ результаты и формулировать ихъ иначе, съ своей точки зре-нія, для того, чтобы получилось дѣйствительно *философское* міросозерцаніе, а не механико-физико-химическое. На разговоры mechanистовъ, что сознаніе есть какой-то бесполезный эпифеноменъ, Фуллье, по-моему, долженъ бы былъ отвѣтить, что, напротивъ, quasi- явленія передвигающейся безъ начала и конца въ пространствѣ матеріи суть даже *меньше, чѣмъ эпифеноменъ сознанія*, а только совокупность условныхъ значковъ въ умѣ, имѣющихъ смыслъ только потому, что всякая чувствующая, ощущающая, желающая и, главное, мыслящая субстанція находитъ въ себѣ самой тѣ реальности, которыхъ она можетъ съ большимъ или меньшимъ правомъ и успѣхомъ, даже вовсе не сознавая того, подставлять подъ эти значки.

А. Козловъ.

*) Такъ какъ идеи умѣренности, справедливости и братства мыслимы только въ соотношеніи съ идеями невоздержности, неправды и эгоизма, то при абсолютномъ царствѣ первыхъ станутъ немыслимы и вторыя, т.-е. и тѣ и другія исчезнутъ изъ эволюціи и наступитъ какая-то блаженная безразличная нирвана, какое-то *ничто*, отъ которого никогда не могутъ спастись философы, не могущіе преодолѣть времени и считающіе его (болѣе или менѣе смутно) чѣмъ-то реальнымъ.